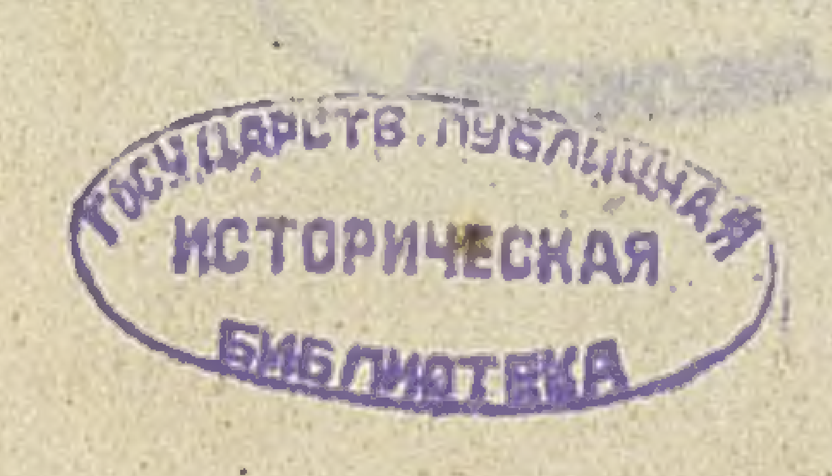
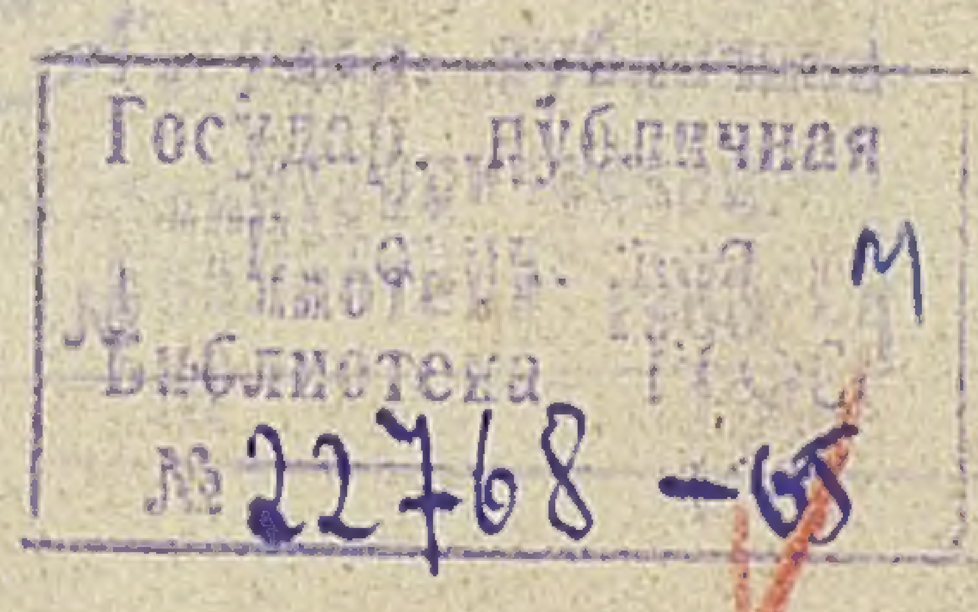

Z55
183

ОТНОШЕНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА КЪ КРЫМУ И ТУРЦІИ ВЪ 1508-1517 ГОДАХЪ.

Наши лѣтописи согласно съ офиціяльными документами говорятъ, что одною изъ причинъ войны, начавшейся въ 1512 году между Московскимъ государствомъ и Литовско-Польскимъ, были набѣги Крымцевъ, наводимыхъ Литовцами на наши украйны: „пришла вѣсть къ великому князю, что Жигимондъ король Польскій ссылается съ бесерменскимъ царемъ Менгли-Гиреемъ и его наводитъ, чтобы онъ пошелъ на великаго князя ратью, а царевичи приходили на украйну по его наводу, — да иные многіе неисправленья король учалъ чинить великому князю.....“ Во время предшествовавшей войны Москвы съ Литвою Менгли-Гирей находился на сторонѣ Сигизмунда; Крымцы дѣлали набѣги на Московскія украйны, хотя не совсѣмъ удачные; но въ это же время въ Крыму жилъ Московскій посолъ Заболотской и хлопоталъ, чтобы Менгли-Гирей не отпускалъ царевичей на украйны и далъ бы шертную грамоту. Эти хлопоты увѣнчались успѣхомъ, и 12-го октября 1508 года Заболотской пріѣхалъ въ Москву, а вслѣдъ за нимъ явились Крымскіе послы и привезли шертную грамоту отъ царя и царевичей. Въ грамотахъ своихъ къ великому князю царь предлагалъ свою помощь на прежняго своего союзника, короля Жигимонда; просилъ помощи на враговъ, Крымцевъ, Астраханцевъ и Нагайцевъ; потомъ требовалъ поминковъ себѣ и всѣмъ Крымцамъ и наконецъ писалъ, чтобы великій князь показалъ ему дружбу, Абдыллетифа, бывшаго царя Казанскаго (находившагося въ Москвѣ какъ бы заложникомъ), отпустилъ въ Крымъ повидаться съ матерью (женою Менгли-Гирея Нурунъ-Салтанъ); при этомъ Менгли-Гирей ручался, что Абдыллетифъ воротится въ Москву послѣ свиданья съ матерью.

Но эти требованія и предложенія въ Москвѣ были слѣдующимъ образомъ приняты. Абдыллетифа въ Крымъ не отпустили, а только выпустили изъ нятства и дали ему во владѣніе городъ Юрьевъ, взявъ при этомъ съ него шертную грамоту, чтобы быть ему вѣрнымъ Московскому государю; самъ же Василій Ивановичъ далъ Абдыллетифу правду, но въ грамотѣ „строки, что держать Абдыллетифа другомъ, великій князь писать не велѣлъ, — передняго своего дѣла для". Съ поминками и отвѣтами на остальныя требованія поѣхалъ въ Крымъ, 1-го марта 1509 года, вмѣстѣ съ Крымскими послами бояринъ Василій Григорьевичъ Морозовъ. Онъ долженъ былъ объявить, что великій князь заключилъ съ королемъ миръ; касательно помощи на Астрахань приказано отвѣчать, что „люди истомились въ Литовской войнѣ, а Нѣмцы и по сей часъ не мирны, а Нагаи кочуютъ на сей сторонѣ Волги и ты бы царь за это не держалъ гнѣва, то государю дѣлать немочно".

Ссылку на то, что Нагаи кочуютъ на этой сторонѣ Волги Менгли-Гирей устранилъ; Крымская орда напала на Нагайскую, ограбивъ ее, прогнала. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ пришли въ Москву грамоты отъ царя и отъ Морозова. Менгли-Гирей хвастался тѣмъ, что его рука надъ его непріятелями, Нагаями, высока учинилась, потому что онъ, собравъ всѣ улусы, которыхъ по перепискѣ оказалось 250,000, пошелъ на своихъ недруговъ; далѣе царь объясняетъ свою побѣду: „мурзы пограбили улусы и куну, верблюды и кони, овцы и животину, ничего не оставивъ, все привели, а недруги наши взявъ свои головы побѣжали"; но царь все-таки требовалъ у Василія Ивановича помощи на Астрахань и потомъ хвалилъ за милость къ Абдыллетифу и говорилъ: „чтобы такой пріязни други радовались, а у недруговъ очи бы выскочили". Въ заключеніе царь писалъ слѣдующее: „ты бы (т.-е. великій князь) прислалъ поминковъ тѣмъ, для которыхъ у Морозова не достало, а они шерть давали, а то станутъ докучать мнѣ и Морозову — скажутъ: шерть съ насъ доловъ" *).

---

*) Моск. Глав. Арх.; дѣла Крымск. № 3.

Мы видѣли, что царь очень хлопоталъ о томъ, чтобы Абдыллетифъ былъ отпущенъ въ Крымъ для свиданія съ матерью. Старая царица, видя, что этого изъ Москвы не добьешся, рѣшилась сама ѣхать къ дѣтямъ. Въ слѣдующее лѣто по прибытіи Морозова въ Крымъ, т. е. въ 1510 году, Менгли-Гирей отпустилъ Морозова въ Москву, а также и своихъ пословъ; вмѣстѣ съ ними ѣхала и царица Нурунъ-Салтанъ съ сыномъ царя Саипъ-Гиреемъ. 21-го іюля она съ спутниками прибыла въ Москву. Василій Ивановичъ, только-что безкровно подчинившій себѣ Псковъ и заключившій выгодный миръ съ Литвою, выѣхалъ на встрѣчу къ царицѣ вмѣстѣ съ своими боярами. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробнаго описанія, какъ великій князь „честно встрѣчалъ" гостью. Съ 21-го іюля по 20-е августа царица гостила у великаго князя и своего сына царя Абдыллетифа; 20-го августа царица поѣхала къ другому своему сыну Магметъ-Аминю въ Казань; послы же Крымскіе остались въ Москвѣ и дожидались царицы, которая пробыла у сына до іюля мѣсяца слѣдующаго 1511 года. Въ это время вѣроятно Василій Ивановичъ перемѣнилъ удѣлъ Абдыллетифа и далъ ему прежде требуемую Каширу. Царица воротилась въ Москву и опять гостила здѣсь до самой зимы, и только 5-го декабря 1511 года поѣхала въ Крымъ съ Саипъ-Гиреемъ; бояринъ великаго князя Михайло Даниловичъ Щенятьевъ проводилъ ее до Путивля; посломъ въ Крымъ поѣхалъ Михайло Васильевичъ Тучковъ.

Но лишь только царица уѣхала изъ Москвы въ Крымъ какъ 8-го мая 1512 года пришла вѣсть въ Москву, что дѣти Менгли-Гирея, Ахматъ-Гирей да Бурнашъ, пришли безвѣстно со многими людьми къ Бѣлеву, Одоеву, Воротынску и Алексину, и что здѣсь они воевали и захватили плѣнныхъ. На встрѣчу къ нимъ Василій Ивановичъ послалъ своихъ воеводъ, кн. Данила Щеню съ сыномъ и другихъ воеводъ. Татары ушли въ степь съ плѣнными, а воеводы за ними въ погоню не ходили. За этотъ набѣгъ поплатился Абдыллетифъ. Лѣтопись разсказываетъ, что Василій Ивановичъ наложилъ на него опалу за его неправду, велѣлъ у него

приставомъ быть, а Каширу отнялъ. Абдыллетифъ былъ какъ бы заложникомъ въ Москвѣ и въ послѣдствіи Василій Ивановичъ, когда Крымцевъ нельзя было ничѣмъ остановить отъ набѣговъ, приказалъ перебить и перетопить Крымскихъ пословъ, объявляя въ то же время Крымцамъ, что послы перебиты народомъ, раздраженнымъ ихъ набѣгами. Въ послѣдствіи въ 1515 году Василій Ивановичъ, выпуская изъ заключенія Абдыллетифа, по случаю болѣе мирныхъ отношеній къ Крыму, и дозволяя видѣть очи великаго князя, къ нему ходить и съ нимъ на потѣху ѣздить, говорилъ ему: „вѣдомо тебѣ чего ради прежде я неучалъ быть съ тобою въ дружбѣ и братствѣ, а потомъ невѣдомо котораго для дѣла царь Менгли-Гирей неучалъ быти съ нами въ дружбѣ и братствѣ, а потомъ царь Магметъ-Гирей приходилъ на наши украйны“. Слѣдовательно вотъ цѣлый рядъ причинъ, которыя подвергали судьбу Абдыллетифа разнообразнымъ случайностямъ. Ахматъ царевичъ, сдѣлавъ одинъ удачный набѣгъ въ маѣ, въ іюнѣ, хотѣлъ произвесть другой на Рязань, но узнавъ, что мѣстности, которыя онъ грабилъ въ маѣ, и другія украйны заняты московскими войсками, не пошелъ и воротился съ украйны въ степь;—теперь воеводы пошли за нимъ, но не догнали. Въ октябрѣ, сотоварищъ Ахмата, Бурнашъ напалъ на рязанскія мѣста, приступалъ даже къ Рязани, но города не взялъ; за то, захвативъ значительный плѣнъ, ушелъ въ степи.

Здѣсь мы должны замѣтить относительно этихъ набѣговъ. Число Татаръ, приходившихъ съ двумя царевичами, не могло превышать болѣе 10 или 15.000. Въ послѣдствіи ширинскіе князья съ своими улусами приходили на наши украйны, и Татаръ, пришедшихъ съ ними, насчитывали до 20.000. Хотя выше приведено число Татаръ во всей Крымской ордѣ по показанію царя въ 250.000, но это просто хвастовство; наши послы считали обыкновенно всю орду въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Потомъ послѣ смутъ въ Крыму нашъ посолъ насчитывалъ, что вся орда едва доходитъ до 15.000. Въ Крыму у каждаго царевича были свои улусы, съ которыми они могли производить набѣги, а теперь, при концѣ жизни Менгли-Гирея, этихъ царевичей было множество; — хотя въ это время орда была въ самомъ цвѣ-

тущемъ состояніи, но во всякомъ случаѣ на Бурнаша и Ахмата не могло приходиться много Татаръ. Всѣ ихъ набѣги были опасны для сельскаго населенія, которое они уводили въ плѣнъ, но, какъ мы видимъ, города Рязани они не могли взять.

Послѣ отогнанія Нагайцевъ и во время пребыванія царицы въ московскихъ и казанскихъ предѣлахъ, Крымцы произвели набѣгъ на литовскія владѣнія съ западной стороны Днѣпра, доходили почти до самой Вильны и, набравъ большой плѣнъ, ушли въ орду безъ всякаго отпора; потомъ Ордынцы напали во второй разъ около Кіева и начали грабить, но князь Слуцкій отогналъ ихъ. Послѣ этого явились къ королю Сигизмунду послы Менгли-Гирея съ предложеніями мира и даже заложниковъ. Въ Литвѣ даны были Татарамъ большіе поминки,— это было въ 1511 году; но Менгли-Гирей заложниковъ не далъ, а царевичи произвели набѣгъ на Молдавію. Въ это время царица воротилась въ Крымъ и были произведены въ 1512 году вышеописанные набѣги Ахмата и Барнаша *). Теперь мы часто будемъ видѣть подобный способъ дѣйствія, что Крымцы дѣлали набѣги на оба государства Московское и Литовское и обоимъ предлагаютъ миръ за поминки. Но такъ какъ съ этого времени началась война Москвы съ Литвою, то Литовцы оказались щедрѣе и поэтому набѣги на литовскія украйны были менѣе часты, чѣмъ на московскія. Тучковъ же, поѣхавшій вмѣстѣ съ царицею посломъ въ Крымъ, оставался очень долго тамъ, терпя разныя оскорбленія.

Вслѣдъ за набѣгами двухъ царевичей, о которыхъ мы говорили, явился въ Москву человѣкъ отъ Менгли-Гирея, Девлетъ-Кильдей съ товарищами, и объявилъ, что царевичи приходили на украйну безъ царева вѣдома и потому царь обѣщается захваченныхъ людей собрать и прислать къ великому князю. Потомъ еще объявляли, что Менгли-Гирей заключилъ миръ съ королемъ; это-то послѣднее объявленіе, какъ можемъ видѣть, послужило поводомъ къ объявленію со стороны великаго князя войны Сигизмунду. Что

*) Стрійковскій ч. 2, стр. 261 — 364; наши Лѣтописи подъ 1511 и 1512 годами.

отвѣчали посламъ — мы не знаемъ, но 15-го декабря 1512 года, передъ первымъ походомъ подъ Смоленскъ, въ Москвѣ было рѣшено начать сношенія съ Турціею. Поводомъ къ этому нашли слѣдующее: „великій князь приговорилъ съ братіею, что пригоже посылать къ турецкому султану съ грамотою человѣка, потому что учинился въ Царь-Градѣ и на турецкой землѣ новый султанъ Салимъ-Шахъ Хандыкерей". Къ султану былъ посланъ Михаилъ Ивановичъ Алексѣевъ и поѣхалъ въ Турцію черезъ Крымъ, вмѣстѣ съ человѣкомъ Менгли-Гирея и Останею Андреевымъ, посланнымъ въ Крымъ съ грамотами къ Тучкову. Грамота къ султану содержала приглашеніе къ возобновленію сношеній, потомъ о дружбѣ, пріятельствѣ и торговлѣ подданныхъ. Но когда уже великій князь былъ подъ Смоленскомъ, то было рѣшено перемѣнить запись у Алексѣева, потому что нашли, что прежній наказъ неудобенъ, и поэтому былъ посланъ новый наказъ къ Алексѣеву въ Путивль. Въ немъ сдѣланы такія измѣненія противъ прежняго: „о здоровьѣ отъ великаго князя султана не спрашивать, хотя это въ первой записи написано". Посланный съ этою памятью не засталъ Алексѣева въ Путивлѣ. Но за то пришла изъ Путивля подъ Смоленскъ грамота Алексѣева, что князь Василій Ивановичъ Шемячичъ (служивый князь) велѣлъ крымскихъ пословъ выгонять и выбивать изъ своей земли; корму имъ не давалъ, лошадей отобралъ и ихъ не кормилъ, а въ заключеніе и самъ уѣхалъ. Послы крымскіе просили, чтобы имъ хотя за деньги дали необходимое для проѣзда, потому что въ степи они зимою погибнутъ; а вѣдаетъ, молъ, это все дѣло государь, да вольный человѣкъ царь. Такое дѣло Шемячичу не прошло даромъ. Послѣ присылки Девлетъ Кильдея сношенія съ Крымомъ прекратились на долго. Король не жалѣлъ денегъ для того, чтобы поднять Крымцевъ на Москву, и лѣтомъ 1513 года Крымскій царевичъ Ахматъ-Гирей пришелъ съ Крымцами, въ теперешнюю Черниговскую губернію, грабить; но воеводы великаго князя и люди князей отбились отъ нихъ и прогнали. Лѣтомъ 1514 года былъ опять новый набѣгъ Крымцевъ, подъ начальствомъ Магметъ-Ги-

рея, на тѣже мѣста, но уже вмѣстѣ съ Литовскими людьми. Литовцы явились съ пушками, но успѣхъ набѣга былъ прежній. Въ началѣ 1515 года Магметъ-Гирей съ братьями и дѣтьми пошелъ опять къ тѣмъ же мѣстамъ. Его сюда велъ кіевскій намѣстникъ Андрей Немировичъ и отъѣздчикъ изъ Москвы Остафей Дашковичъ. Успѣхъ былъ прежній, и Крымцы воротились домой.

Такимъ образомъ въ то время какъ князь Острожскій возвратилъ всѣ завоеванія москвичей въ послѣднюю войну, кромѣ Смоленска, Андрей Немировичъ съ помощію Крымцевъ, какъ видно, хотѣлъ отобрать завоеванное въ предшествовавшую. Но по направленію набѣговъ Крымцевъ намъ объясняется почему Василій Ивановичъ могъ три раза ходить подъ Смоленскъ безостановочно. Набѣги Крымцевъ, водимыхъ Литовцами, направлялись въ тѣ же мѣста, гдѣ московскія войска сосредоточивались для войны съ Литвою, между тѣмъ какъ прежде Крымцы оттягивали московскія силы далѣе на востокъ. Притомъ Крымцы приходили, какъ видно, не вѡвремя. Такъ послѣдній набѣгъ былъ въ концѣ января или началѣ февраля 1515 года *), т.-е. тогда, когда Смоленскъ былъ взятъ, потомъ наши были разбиты подъ Оршей, послѣ чего королевскія войска были распущены, точно также какъ и наши, исключая тѣхъ, которыя были назначены для охраненія завоеваній и владѣній князей служебныхъ. Какъ царевичи въ это время дѣйствовали — намъ можетъ объяснить разговоръ доброжелателя московскаго, князя Апака, съ нашимъ посломъ Мамоновымъ въ 1517 году. Апакъ говорилъ: „пріѣхали прежде тебя сюда Татары великаго князя и Алпу царевичу не хотѣли поминковъ давать, а съ тобою Алпу царевичу есть поминки“? Мамоновъ: „когда царевичъ служилъ великому князю и онъ ему свои поминки посылалъ, а нынѣ не прислалъ того дѣля, что Алпъ царевичъ служитъ недругу Государя нашего

*) Это опредѣлить можно слѣдующимъ образомъ: въ Москвѣ былъ турецкій посолъ и съ нимъ бояре говорили февраля 13-го и потомъ его великій князь отпустилъ. Но еще турецкій посолъ не уѣхалъ съ Москвы какъ пришла вѣсть о послѣднемъ набѣгѣ Крымцевъ и бояре послу говорили крымское дѣло февраля 27-го.

литовскому: въ Мстиславлѣ стоялъ и на государя нашего украйну, смоленскія мѣста, рать посылалъ". Апакъ князь: „Алпъ царевичъ королю не служилъ, а когда Магметъ-Гирей царь былъ въ царевичахъ и онъ ходилъ на великаго князя украйны, на Стародубъ, и царевичи всѣ съ нимъ былижъ; да какъ пошелъ Магметъ-Гирей изъ земли, то королевыхъ городовъ намѣстники, которыхъ города пришли въ украйнамъ великаго князя, всѣ били челомъ царевичу Магметъ-Гирею: „государь воевалъ еси на великаго князя украйнѣ, а ничего еси не учинилъ, а нынѣ идешь прочь, а московской пришлетъ на насъ свои рати, и намъ отъ нихъ въ городахъ сидячи мѣста не оберечи, если ты не оставишь рати"; и царевичъ Магметъ-Гирей, того для своего сына царевича Алпа оставилъ, да Алика князя, — поэтому, продолжаетъ Апакъ, не сами они остались королю служить; да пріѣхали они къ царю королевскую землю воевавши, и тобѣ Алпу царевичу пригоже дать поминки: а не дашь, то царь велитъ силою взять." **)

На Пасхѣ 1515 года умеръ Менгли-Гирей, и царемъ Крымцевъ сдѣлался его сынъ Магметъ-Гирей. Неудачные набѣги на владѣнія служивыхъ князей, повели къ тому, что Магметъ-Гирей, вступивъ на престолъ, захотѣлъ завести сношенія съ Василіемъ Ивановичемъ. Но въ Москвѣ очень хорошо знали цѣну этимъ сношеніямъ и давно заботились объ устраненіи крымскихъ набѣговъ, именно чрезъ сношенія съ Турціею. Алексѣевъ, посланный къ султану, предъ началомъ войны съ Литвою, былъ отпущенъ изъ Константинополя 1-го августа 1513 года, вмѣстѣ съ Турецкимъ посломъ Камаломъ. — Онъ ѣхалъ не черезъ Крымъ, а на Азовъ, Дономъ и степями. Апрѣля 1514 года они остановились въ степяхъ, потому что кони истомились и только на лошадяхъ княгини Рязанской и князя Пронскаго пріѣхали въ Москву. — Турецкій посолъ привезъ отъ султана грамоты; въ нихъ говорилось о дружбѣ, торговлѣ подданныхъ, и наконецъ въ одной была помѣщена просьба, чтобы великій князь отпустилъ Абдыллетифа къ Менгли-

**) Крым. Д. № 4, л. 181 и далѣе.

Гирею. — Послѣ того какъ Василій Ивановичъ предпринялъ третій походъ въ литовскія владѣнія и взялъ Смоленскъ, начались переговоры съ Камаломъ. Бояре говорили послу: „султанъ пишетъ въ своей грамотѣ, что хочетъ съ государемъ быть въ братствѣ и дружбѣ, на всякаго недруга: то какъ быть въ братствѣ и дружбѣ"? Но чтобъ уяснить для Камала, бояре начали говорить „въ разговоръ": „съ Максимиліаномъ императоромъ и съ другими государями, государь нашъ въ союзѣ, и какъ имъ быть въ союзѣ, на своихъ недруговъ, объ томъ писано въ грамотахъ". На это Камалъ отвѣчалъ: „мнѣ писать грамотъ не наказано"; бояре: „ты скажи, кто твоему государю другъ и недругъ, чтобы намъ знать; а съ другими государями у насъ это въ грамотахъ записано"; — Камалъ: „я этого не знаю, и мнѣ объ этомъ не наказано; а когда пошлетъ вашъ государь къ моему, то тамъ послу это будетъ сказано". — Послѣ такого разговора, бояре начали уже говорить о гостяхъ. Такимъ образомъ мы можемъ видѣть, что Москвичи хотѣли заключить союзъ съ султаномъ противъ враговъ, и этихъ враговъ они наконецъ упомянули слѣдующимъ образомъ; бояре говорили послу: „вѣдомо было бы султану, что мы съ Менгли-Гиреемъ были въ братствѣ и дружбѣ и его дѣти, чрезъ свою и отца ихъ правду, дѣлаютъ набѣги на наши украйны, поэтому если они будутъ продолжать это, то мы будемъ дѣлать съ ними свое дѣло, какъ намъ Богъ поможетъ. Да султанъ первую дружбу учинилъ бы, — сдѣлалъ бы какую-нибудь помѣшку нашимъ недругамъ". Объ этихъ дѣлахъ Камалъ молчалъ, но за то самъ упомянулъ слѣдующее: „Азовскіе казаки дѣлаютъ набѣги на государевы украйны, такъ государь кому велитъ говорить объ этомъ дѣлѣ султану: ему ли, Камалу, или своему послу"? Бояре: „ты Камалъ дѣлаешь гораздо, что объ этомъ говоришь, — султанъ велѣлъ бы поберечь это дѣло". Но когда Камалъ заговорилъ объ Абдыллетифѣ, то бояре отвѣчали, что Абдыллетифу дано мѣсто и его жалуютъ; но въ то же время при дачѣ послу списка отвѣтныхъ рѣчей, не помѣстили въ немъ слово объ Абдыллетифѣ.

Турецкій посолъ поѣхалъ отъ Москвы 8-го марта 1515 года, а вслѣдъ за нимъ 15-го марта посломъ къ султану былъ отправленъ Василій Андреевичъ Коробовъ, который долженъ былъ постараться, если можно, заключить съ султаномъ союзъ на короля польскаго и Менгли-Гирея, но никакъ не соглашаться, чтобы въ число общихъ враговъ былъ включенъ императоръ Максимиліанъ. Плодомъ этого посольства оказалось то, что султанъ желалъ заключать договоры съ московскимъ государемъ о торговлѣ подданыхъ, а Коробову не удалось и поговорить хорошенько о главной цѣли своего посольства. Онъ возвратился изъ Константинополя 19-го февраля 1516 года *).

Два мѣсяца спустя послѣ отъѣзда Василія Коробова къ султану, въ Москвѣ получили прямыя вѣсти о крымскихъ дѣлахъ. Въ Москву пріѣхали Татары (посланные еще въ 1512 году съ Останей Андреевымъ на вѣсти въ Крымъ) и съ ними прислалъ князь Василій Ивановичъ Шемячичъ сказать великому князю, что Менгли-Гирея въ животѣ не стало и царемъ учинился Магметъ-Гирей, а на полѣ стоятъ два царевича (имени ихъ не вѣдаетъ) и не пускаютъ никого ни въ Крымъ, ни изъ Крыма. На основаніи этихъ вѣстей Василій Ивановичъ рѣшился начать съ Магметъ-Гиреемъ сношенія, чтобъ онъ не отсталъ къ Литовскому, и въ грамотѣ къ нему написалъ, чтобы царь отпустилъ въ Москву Тучкова и съ нимъ-бы своего добраго человѣка; Тучкову же приказано было говорить царю, чтобъ онъ не боялся посылать въ Москву своего человѣка, потому что великій князь хочетъ быть съ царемъ за одинъ на недруговъ и его человѣка у себя не задержитъ **).

Состояніе дѣлъ въ Крыму грозило Московскимъ украйнамъ набѣгомъ не только царевичей, но, пожалуй, цѣлой орды, подъ начальствомъ самого царя. Дѣйствительно, Крымцы были не прочь сдѣлать еще набѣгъ слѣдующимъ образомъ. Алпъ царевичъ, объ оставленіи котораго въ

---

*) Дѣла Турецкія № 1, л. 1—95.

**) Дѣла Крым. № 4, л. 1—13.

степи на службу короля Магметъ-Гиреемъ мы выше упоминали, — писалъ къ кіевскому намѣстнику Андрею Немировичу: „мой отецъ Магметъ-Гирей далъ меня тебѣ въ руки; ты извѣщаешь насъ, что твоихъ коней отогнали бѣлгородскіе казаки *) и ты не знаешь, на чемъ къ намъ пріѣхать, то ты пріѣзжай къ намъ самъ четвертъ или одинъ; а если не пріѣдешь, то на насъ не диви — я безъ тебя не пойду воевать земли московскія и дѣло твоего государя никѣмъ другимъ не потеряется какъ тобою". Андрей Немировичъ по этому случаю въ іюлѣ написалъ къ панамъ рады Литовскимъ, чтобы они дали ему безъ мѣшканья науку, какъ поступать, „потому что если я не поѣду къ царевичу, то чего бы онъ съ своими людьми не умыслилъ злаго, и я ѣду къ нему, какъ могу осадивши замокъ. Я писалъ ко всѣмъ кіевскимъ старостамъ и боярамъ, чтобъ и они ѣхали со мною, на службу государскую, но ни одинъ изъ нихъ не хочетъ ѣхать" **).

Но если одинъ царевичъ не хотѣлъ идти на московскія земли, то гроза могла придти съ другой стороны. — Магметъ-Гирей наконецъ отпустилъ Тучкова въ Москву и послѣдній съ дороги написалъ къ великому князю слѣдующее письмо ***): „царь меня отпустилъ вмѣстѣ съ своимъ посломъ, а самъ вышелъ изъ Перекопа. И ты бы, государь, одинолично велѣлъ украйны свои беречи накрѣпко вездѣ, доколѣ мнѣ велитъ Богъ очи твои государскіе видѣть. Того государь вполнѣ не вѣдаемъ, пойдетъ ли царь на Нагаи или не пойдетъ или рать въ Перекопъ воротитъ; а вышли государь съ нимъ всѣ царевичи и всѣ люди. Алпъ царевичъ (который пересылался съ Андреемъ Немировичемъ) пошелъ подъ Кіевъ, а съ нимъ еще царевичъ и царь къ нему посылалъ добрыхъ людей. А людей съ царевичемъ тысячи съ двѣ, и Остафій Дашкевичъ

---

*) Бѣлгородскіе казаки для Литовцевъ играли такую же роль, какъ Азовскіе для Москвичей.

**) Ак. З. Р. т. 2 № 93.

***) Письмо писано наВорсклѣ августа 7, получено въ Москвѣ 15-го августа.

взялся его привести на твою украйну, но не вѣдаемъ куда его поведетъ“. Такимъ образомъ вмѣсто Андрея Немировича Остафій Дашкевичъ въ другой, а можетъ быть уже въ третій разъ заправлялъ Татарами, но послѣ оказалось, что Алпъ царевичъ, не дождавшись куда его поведутъ, самъ пошелъ грабить не московскія, а литовскія украйны. Съ Тучковымъ и крымскими посланцами были присланы грамоты. — Сторонникъ Москвы, князь Апакъ, въ письмахъ объяснялъ слѣдующимъ образомъ главную причину союза Крымцевъ съ королемъ: „отъ короля лѣтомъ и зимою казна, какъ рѣка, безпрестанно течетъ и малому и великому всѣмъ унородилъ“. Развивая эту общую причину, Апакъ такъ разсказываетъ предшествовавшія дѣла: „твоего посла замотчаніе отъ того сталося, что когда пригонилъ твой слуга Илья гонцомъ въ Крымъ, то ты прислалъ царю легкіе поминки, а Магметъ царевичу тяжелые, и царь объ этомъ такъ говорилъ: „меня ужь ни за что почелъ“; и разгнѣвался онъ на тебя и твоего посла задержалъ. А мнѣ царь объ этомъ говорилъ: „сватались мы съ Салимъ-Шахъ-Салтаномъ, и я у великаго князя просилъ добрыхъ шубъ и добраго товару, а онъ мнѣ только два сорока соболей прислалъ, — Магметъ же Гирей только сказалъ, что онъ свадьбу дѣлаетъ, такъ онъ ему даровые поминки прислалъ: дружба такъ ли живетъ“? Потомъ Апакъ описываетъ какое впечатлѣніе было произведено въ Крыму послѣдними событіями войны Москвы съ Литвою: „Король прислалъ Кутлука татарина сказать, что онъ рать великаго князя прогонилъ и городъ Смоленскъ назадъ взялъ, а князь великій князя Михаила Глинскаго поималъ; и твои недруги начали такъ говорить: который человѣкъ на его дорогѣ голову свою и душу за него покладывалъ и онъ надъ тѣмъ такъ сдѣлалъ, — ино какому добру отъ него быти. Но мы послѣ того послышали, что Король къ себѣ назадъ пришелъ, а Смоленска не взялъ и мы (т. е. Апакъ съ сторонниками Москвы) тому обрадовались; чтобы ты всегда былъ надъ своимъ недругомъ. Да такъ же Кутлукъ одно слово говоритъ Царю, а мнѣ въ ту пору случилось къ нему прійти, и Кутлукъ увидѣвъ меня пересталъ гово-

рить, тогда я ему молвилъ: „за чѣмъ таишься если есть какова рѣчь, то говори“; и Царь молвилъ: „зачѣмъ таишься говорить“; и Кутлукъ началъ говорить: „Король велѣлъ тебѣ бить челомъ, ты его для поговорилъ бы князю Василью Шемячичу, чтобы онъ королю дружбу учинилъ; а когда король Москву возьметъ, то сколько нынче за нимъ (т.-е. за Шемячичемъ) и онъ ему вдвое дастъ.“ А что царь далъ ему въ отвѣтъ я того незнаю, но то знаю что князь Василій того не вѣдаетъ. А когда царевичъ пошелъ (въ послѣдній разъ послѣ взятія Смоленска), то я царю говорилъ: „чтобы тебѣ отъ великаго князя дождаться вѣсти;“ а царь мнѣ молвилъ: „когда я съ королемъ помирился и сына ему далъ; то великій князь пошелъ короля воевать и, пригоже ли такъ дѣлать, Смоленскъ взялъ и сколько дѣлъ подѣлалъ безъ моего вѣдома.“ Письма кончались тѣмъ же, чѣмъ и начинались: „а нынѣ добраго человѣка своего пришли съ доброю казною и царю и царевичамъ унорови и гораздо бей челомъ, а мы чаемъ что твое дѣло подѣлается. Да у тебя царь проситъ о семи городахъ, и если дашь ты ему ихъ, то другомъ ему будешь, а не дашь—недругомъ; развѣ только то, что пришлешь столько казны, сколько прислалъ король.“ О себѣ же Апакъ прибавлялъ: „а у меня къ тебѣ прошенье то: становитина моего сынъ къ тебѣ попалъ въ руки и я передъ всѣмъ свѣтомъ заклялся, что у великаго князя выпечаловавъ возьму, — и ты бы пожаловалъ, учинивъ мое лице бѣлымъ передъ всѣмъ свѣтомъ. Да еще прошенье: свадьбу дочери чиню... и т. д.“

Теперь обратимся къ тому, что̀ писалъ Магметъ-Гирей къ великому князю. „Твоего посла долго у насъ задержали, потому что отецъ нашъ былъ на тебя гнѣвомъ, а какъ Божья воля сталась, то мы его къ тебѣ отпускаемъ и ты къ намъ пришли другаго посла. Сего лѣта пошли мы на Астрахань и на Нагаевъ, и дошли до Дону; тамъ встрѣтили насъ люди, коней гонятъ, — и намъ сказали, что Астраханскій царь и мурзы на ту сторону Волги перевезлись, и подумавши съ князьями, что они хотя и полѣзли за Волгу но на зимѣ будутъ на сей сторонѣ, а къ тому времени кони наши будутъ тучны, а сами мы опочинемъ. А ты бы по преж-

нему своему слову туда судовую рать послалъ, а мы съ тобою на всѣхъ недруговъ за одинъ.“ Объ своихъ отношеніяхъ къ королю Магметъ-Гирей писалъ: „когда мы учинились въ дружбѣ съ королемъ Жигимонтомъ и отецъ нашъ о томъ тебѣ вѣдомо учинилъ, и ты братъ нашъ безъ нашего вѣдома Смоленскъ воевалъ и разрушилъ, да взявъ уже къ намъ приказалъ; ты и тѣмъ насъ обманулъ, что взялъ городъ, который отецъ нашъ пожаловалъ Жигимонту. Да наши рѣчи къ тебѣ тѣ, городъ Смоленскъ, да еще города, которые къ намъ тянутъ: Брянскъ, Стародубъ, Почапъ, Новый городокъ, Рыльскъ, Путивль, Рогачевъ, Карачевъ, Радогощъ и всѣ города, что отецъ нашъ поимавъ твоему отцу далъ; — то наши города и мы ихъ пожаловали королю, такъ ты бы тѣ города намъ отдалъ, а не отдашь, то тѣмъ ты дружбу нарушишь.“ Но все это кончалось опять тѣмъ же, какъ и у Апака; „мы всю казну истощили и ты бы намъ казною помочь учинилъ и если учинишь, то въ этомъ братства и дружбы примѣта, а неучинишь то значитъ ты нашу дружбу изъ ума выкинулъ.“ Кромѣ этого была еще грамота царя къ великому князю, чтобы отпущенъ былъ въ Крымъ Абдыллетифъ, потому что его мать хочетъ идти къ Меккѣ, а съ ней долженъ идти ея мужъ или сынъ, и поэтому Абдыллетифъ будетъ ее сопровождать.

Такимъ образомъ мы можемъ видѣть, что лѣтомъ 1515 года въ Москвѣ очень легко могли ожидать нашествія Крымцевъ на украйны. Не только вышеприведенное письмо Тучкова, но и другая грамота Апакова, которую теперь приведемъ, покажетъ, какъ легко могло состояться нашествіе: „Какъ пошли подъ Астраханъ и отъ Дону воротились, то царевичамъ лихіе люди и тѣ которые королю служатъ дали науку чтобы шли воевать твои украйны, и они пошли. И я послышавъ тѣ рѣчи говорилъ царю объ этомъ, а онъ, призвавъ сына своего Богатыря, велѣлъ ему царевичей воротить. Но царевичъ сказалъ: „Я ихъ ворочу, но вѣдь всякъ человѣкъ тутъ должной (т. е. въ долгу).“ А царь сказалъ: „ты ихъ вороти и дайся порукою, а я сколько добуду, столько имъ дамъ“; „царевичъ послѣ этого поѣхалъ и воротилъ, а царь иному далъ 30, иному 20, а и

иному и 10 тысячъ алтынъ. И ты бы (т. е. великій князь) долгъ царевъ уплатилъ."

Выслушавъ всѣ грамоты Крымцевъ, великій князь рѣшилъ во 1-хъ послать къ царю съ тѣмъ, что отправляетъ къ нему осенью своего боярина Ивана Григорьевича Мамонова, а во 2-хъ Абдыллетифу по приказу цареву велѣть къ себѣ на очи пускать и на потѣху съ собою ѣздить *).

Отпуская крымскихъ пословъ и Мамонова въ Крымъ въ ноябрѣ (14-го) мѣсяцѣ, бояре спросили Крымцевъ: „Менгли-Гирей царь былъ съ великимъ княземъ въ шерти, и вамъ что̀ наказано о шертной грамотѣ"? Послы отвѣчали: „царь наказалъ, что хочетъ съ великимъ княземъ быть въ братствѣ и дружбѣ какъ отецъ, а о шертной грамотѣ ничего не наказалъ". Самъ же великій князь говорилъ посламъ: „царь не позволялъ бы дѣлать братьямъ и людямъ никакой нечести и силы боярину. Да шли бы вы въ Крымъ далѣе отъ литовскихъ границъ". Послы отвѣчали: „мы, государь, за это тебѣ челомъ бьемъ и сами хотимъ идти дальше отъ литовскихъ украинъ".

Таковы были сношенія Москвы съ Крымомъ съ весны до зимы 1515 года. — Изъ вышеизложенныхъ писемъ мы можемъ видѣть характеръ ихъ. Но на сколько удовлетворилъ Василій Ивановичъ требованіямъ Крымцевъ, это можетъ объяснить наказъ Мамонову: Мамоновъ долженъ былъ, главное, хлопотать, чтобы царь далъ шерть со всѣми царевичами и князьями; на счетъ Абдыллетифа говорить, что ему велѣлъ великій князь къ себѣ ходить и на потѣху ѣздить и когда съ него возмутъ шерть предъ царевымъ посломъ, то и городъ дадутъ; объ городахъ, которые Магметъ-Гирей требовалъ отдать, велѣно говорить: „ты это писалъ по грамотѣ отца, а онъ по наученію лихихъ людей, а тѣ города наша отчина и намъ зачѣмъ ею поступаться, мы хотимъ и остальную доставать отъ литовскаго"; на счетъ присылки рати на Астрахань говорить: „ты бы положилъ на своемъ умѣ, можно ли намъ это дѣло дѣлать, самъ ты знаешь какія у насъ дѣла съ литовскимъ;

*) Крымск. дѣла № 4, л. 1—60.

такъ ты бы былъ съ нами за одинъ на него, чтобы наше дѣло поскорѣй кончилось, тогда мы съ тобою будемъ и на Астрахань". Но если будутъ говорить Ивану объ отношеніяхъ великаго князя къ Астрахани: „есть ли посолъ государевъ въ Астрахани?" То отвѣчать: „есть господине государя моего молодой человѣкъ въ Астрахани Иванъ Ѳедоровъ Елизаровъ"; а спросятъ: „есть ли у государя изъ Астрахани посолъ"? Отвѣчать: „есть и изъ Астрахани посолъ: да ѣздятъ изъ Астрахани и изъ Нагаевъ въ государя нашего земли торговые люди, а нашего государя люди торговые туда тоже ѣздятъ, а пересылается самъ съ ними государь людьми молодыми"; а спросятъ: „для иныхъ дѣлъ люди ѣздятъ ли"? Отвѣчать: „не вѣдаю". Но такъ какъ главное чѣмъ все дѣло рѣшалось въ Крыму и объ чемъ прямо писалъ Апакъ — поминки, то на этотъ счетъ Мамонову былъ данъ наказъ, что давать столько, сколько ихъ давали прежніе послы, а что брали съ Костянтина Заболотскаго и вообще пошлины не платить, а лишнее давать только за услугу. Но и объ этихъ пошлинахъ не соглашаться на то, что они опредѣленная дань, а говорить, что государь посылаетъ, что у него есть и будетъ посылать соотвѣтственно обстоятельствамъ.

Отъ поля приходилось, какъ мы выше говорили, и въ это лѣто беречись вслѣдствіе предупрежденій Тучкова, которыя въ заключеніе и сбылись. Еще когда рѣшилъ Василій Ивановичъ извѣстить царя, что посылается къ нему посломъ Мамоновъ, то какъ только великій князь отпустилъ казаковъ съ грамотами (13-го сентября) въ Крымъ, въ Москву пришли вѣсти, что на Мещерскія мѣста приходили Крымскіе Татары; поэтому въ слѣдъ за казаками была послана къ нимъ грамота для передачи царю: „здѣсь приходили твои люди на нашу украйну на Мордовскія мѣста безвѣстно, ты къ намъ отпустилъ нашего посла и своего и приказалъ сказать, что ты, твои братья и люди пошли въ Перекопъ и мы по твоему приказу на своихъ украйнахъ своихъ людей беречи не велѣли, а тѣ твои люди лихое дѣло учинили, и ты бы плѣнныхъ велѣлъ собрать и намъ отдать, а виновныхъ казнилъ". При этомъ каза-

камъ было наказано, что если спроситъ ихъ царь: незадержитъ ли великій князь моихъ пословъ за этотъ набѣгъ, то отвѣчать, что отпуститъ; и если потребуетъ царь правды, то и правду дать. — Но набѣгъ этимъ не кончился; Мордовскій князь прислалъ къ великому князю сказать, что къ мурзамъ крымскимъ, пришедшимъ на украйны, люди все болѣе и болѣе подходятъ изъ Азова. Мы не знаемъ чѣмъ кончился этотъ набѣгъ; но въ это время наступала глубокая зима и нельзя было ожидать, чтобы Крымцы имѣли большой успѣхъ (послѣдняя присылка изъ Мордвы была въ ноябрѣ или послѣ).

Этотъ набѣгъ объясняется тѣмъ, что новый крымскій царь не имѣлъ такой силы, чтобы сдержать царевичей и мурзъ, которые что хотѣли то и дѣлали; кромѣ того царь былъ горчайшій пьяница и всѣ получаемыя имъ отвсюду поминки пропивалъ съ гаремными красавицами, а царевичи, мурзы и князья между тѣмъ ссорились съ царемъ и между собою. — Какъ только послѣ смерти Менгли-Гирея Магметъ-Гирей усѣлся на престолѣ, орда замутилась, множество людей бросилось бѣжать въ различныя стороны. Въ турецкихъ дѣлахъ, за время посольства Коробова, записано слѣдующее: „лѣта 7023 (1515) іюня 19-го пріѣхалъ изъ Азова рязанскій казакъ Назаръ Кривой, а былъ въ Крыму на вѣстяхъ и отпустилъ его Михайло Тучковъ въ четвергъ на Страстной недѣлѣ; изъ Кафы поѣхали моремъ и на морѣ вѣтеръ носилъ, а прикинуло его къ Керчи и въ Керчь пришла вѣсть, въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ, что Менгли-Гирея царя въ животѣ не стало,— а тутъ въ Керчь прибѣжали многіе Черкасцы изъ Крыма и къ нимъ прислалъ старшій сынъ Менгли-Гирея, Магметъ-Гирей, чтобы они жили по старымъ мѣстамъ какъ при отцѣ..... — “Михайло Тучковъ конечно еще подробнѣе привезъ извѣстія о крымскихъ дѣлахъ; изъ приведенныхъ выше грамотъ Апака князя видны уже эти раздоры Крымцевъ между собою, и они этого не могли скрыть въ своихъ многочисленныхъ грамотахъ въ Москву. Поэтому Мамонову наказано было воспользоваться такимъ состояніемъ дѣлъ. Царь особенно ссорился съ Ахматомъ царевичемъ, владѣ-

2

телемъ Очакова, съ тѣмъ царевичемъ, который при Менгли-Гиреѣ дѣлалъ набѣги на наши украйны. Ему Мамоновъ долженъ былъ отдать слѣдующую грамоту отъ великаго князя: „писалъ ты объ томъ, чтобы я не помнилъ лиха, что ты приходилъ на украйны и я то лихо съ сердца сложилъ, а ты бы берегъ наше дѣло"..... Кромѣ того Мамонову дана была запись объ Ахматѣ царевичѣ и эту запись Мамоновъ долженъ былъ учить до Путивля, а въ Путивлѣ разорвать. Она содержала слѣдующее. „какъ придешь къ Ахмату царевичу, то наединѣ ему сказать, чтобы онъ далъ правду, что рѣчи Мамонова къ нему никому не скажетъ и если дастъ правду, то говоритъ рѣчь; а се рѣчь: — государь лиха на сердце не держитъ, а что приказывалъ ты съ Михаиломъ Тучковымъ, нѣчто каково дѣло тебѣ станется и ты хочешъ ѣхать въ наши земли, а намъ тебѣ опочивъ у себя дать и опасную грамоту дать — добровольно пріѣхать и отъѣхать, а ты отъ нашего недруга хочешъ отстать и литовскую землю воевать. Все это мы исполнимъ и правду нынѣ велѣли дать въ томъ тебѣ своему бояриму. Да Ивану молвить отъ себя, что великій князь теперь не прислалъ опасной грамоты, то это сдѣлано берегучи твоего дѣла, а ты какъ выйдешъ изъ Крыма и будешь подъ украйнами великаго князя, то пошли къ государю человѣка своего, а государь пришлетъ тебѣ опасную грамоту. А если будетъ спрашивать Ахматъ царевичъ: какой городъ дастъ ему великій князь? То говорить: не вѣдаю и въ томъ тебѣ правды не могу дать, что дастъ онъ тебѣ тотъ городъ, которой назовешь." — Съ подобнымъ же предложеніемъ посолъ долженъ былъ обратиться и къ самому царю, т. е. что если на него придетъ какая нужда, то онъ можетъ добровольно пріѣхать къ великому князю и отъѣхать, а онъ готовъ ему помогать.

Мамоновъ, пріѣхавъ въ Крымъ, встрѣтилъ множество непріятностей и нашелъ, что тамъ всѣ были въ ссорѣ между собою. Описаніе пребыванія въ Крыму Мамонова находится въ нѣсколькихъ запискахъ, составленныхъ имъ и его подъячимъ; на основаніи этихъ записокъ составленъ нижеслѣдующій разсказъ. — Въ апрѣлѣ 1516 года Мамо-

новъ прислалъ въ Москву записку, извѣщая о своемъ положеніи въ Крыму и о дѣлахъ, которыя совершились до него. Ахматъ царевичъ, враждовавшій съ царемъ, въ угоду Василію Ивановичу, лѣтомъ 1515 года, посылалъ нѣсколько разъ своего сына воевать литовскія украйны.— Его сынъ ходилъ въ первый разъ съ 400 человѣкъ и, захвативъ много плѣнныхъ, пригналъ ихъ въ Крымъ, но ихъ царь отнялъ у него; послѣ этого Ахматовъ сынъ отправился во второй разъ на литовскія украйны и встрѣтился съ княземъ Константиномъ Острожскимъ; сражались и побѣду причисывали каждый себѣ, но Татарамъ не удалось захватить добычи. Пересылокъ между Крымомъ и Литвою не было, и послы Крымскіе, давно отправленные къ королю, не возвращались, такъ что въ Крыму носились слухи, что ихъ король поймалъ за набѣги Крымцевъ.— Но все таки большинство крымскихъ царевичей и мурвъ было на сторонѣ короля.— Какъ только пріѣхалъ Мамоновъ, то всѣ бросились къ нему съ требованіемъ поминковъ, онъ же давалъ только назначенные и то только извѣстнымъ лицамъ. Царя въ это время не было въ Крыму и поэтому требованія поминковъ оставались только требованіями. Князь Апакъ объяснялъ Мамонову состояніе дѣлъ слѣдующимъ образомъ: „я писалъ къ великому князю объ Астраханскомъ дѣлѣ, а онъ пишетъ, что у него литовское дѣло на рукахъ — это мы и сами знаемъ; царю на литовскаго идти нельзя, потому что онъ съ нимъ въ шерти, а какъ бы великій князь далъ рать на Астрахань, то царь далъ бы и ему шерть. А ты если будешь говорить царю о литовскомъ дѣлѣ, то это всѣмъ будетъ не любо. А нашъ царь вельми любитъ пить; а я не вѣдаю какъ ему царство держать, Турскаго боится, его братья съ Турскимъ ссылаются и царь никому не вѣритъ". Когда царь пріѣхалъ въ Перекопь, то Мамоновъ представился къ нему, и теперь начались требованія поминковъ прямо отъ царя въ пользу сыновей, и именно Алпа царевича, который, какъ мы видѣли, былъ на королевской службѣ. Но Мамоновъ ему не хотѣлъ давать, тогда царь прислалъ къ Мамонову Апака. Сторонникъ Москвы говорилъ слѣдующее по этому поводу: „да-

вай добровольно, а то возьмутъ силою; да дѣлай ты дѣло умѣючи, не ссорь царя съ дѣтьми. — Всѣ говорятъ, что ты мало даешь поминковъ, и что будто все это ко мнѣ идетъ, а другимъ ничего; а мнѣ что за поминки — и на одной телѣгѣ нечего везти; да нынѣ меня никто не слушаетъ, всѣ говорятъ: „заворотилъ за себя великаго князя такъ одинъ и дѣлай", а мнѣ какъ одному такое дѣло дѣлать. Литовской къ намъ посылаетъ 15,000 золотыхъ, кромѣ запросовъ для всѣхъ и никто на короля не жалуется; а Абдырахману (главный сторонникъ Литвы) король шлетъ 2,000 золотыхъ кромѣ платья, мѣховъ и его людямъ, опричь того, что Абдырахманъ даетъ царевичамъ. И ко мнѣ король приказывалъ: „отстань отъ московскаго, служи мнѣ и приказывай, что тебѣ надо"; но у всякаго человѣка словъ много, а душа одна, и я отвѣчалъ королю: „познался съ Абдырахманомъ и живи съ нимъ". — Но эта чувствительная рѣчь не подѣйствовала на Мамонова. Тогда Апакъ обратился къ подъячему Гаврику, посланному съ Мамоновымъ, чтобы тотъ сказалъ ему кому же именно прислалъ великій князь поминковъ, на это Гаврикъ отвѣчалъ: „меня великій князь послалъ за тѣмъ, что я поле знаю"; Апакъ: „какъ тебѣ не знать кому поминки, ведь поминочные списки живутъ у тебя"; Гаврикъ: „самъ ты видишь, что когда Иванъ кому хочетъ дать поминковъ, то посмотритъ въ списокъ и велитъ мнѣ вынести изъ казны, — я вынесу и запишу, — это я и знаю, а списки у Ивана". Апакъ обратился съ тѣмъ же къ толмачу, но тотъ отвѣчалъ также какъ и Гаврикъ: „меня государь послалъ толмачить, я и толмачу". — Послѣ этого Апакъ прислалъ сказать Мамонову, что царь на него сердитъ и дѣлаетъ дѣло съ Абдырахманомъ. — Вслѣдъ за этимъ пришелъ приставъ и началъ говорить: „великій князь прислалъ царевичамъ поминковъ, а ты ихъ затаилъ, такъ дай клятву, что великій князь царевичамъ поминковъ не прислалъ"; Мамоновъ: „не знаю съ кѣмъ это великій князь наказывалъ, а только со мною не прислалъ поминокъ, да и мнѣ запретилъ давать правду на чьихъ либо поминкахъ". Послѣ этого приставъ началъ ругать Мамонова, а сопровождавшіе его хотѣли спи-

лою взять поминки; тогда Мамоновъ сказалъ: „я пожалуй дамъ поминковъ, но только мнѣ объ этомъ великій князь не наказывалъ“. Но Татары объявили, что они хотятъ взять полные поминки. — Съ этого времени начались настоящіе грабежи; посланные отъ царевичей приходили къ Мамонову, срывали печати съ его казны и брали, что имъ хотѣлось. Даже тѣ, которымъ присланы поминки, были недовольны. Царевичъ Богатырь, старшій сынъ Магметъ-Гирея, когда ему Мамоновъ, проговоривъ рѣчь, далъ поминки, на рѣчь отвѣчалъ: „я буду дѣлать дѣло великаго князя, а онъ мнѣ мало поминковъ прислалъ, у меня людей много и нечего имъ дать: хотя я стану поминки жевать и на людей плевать, то и того имъ не достанетъ“. Мамоновъ на это сказалъ: „что со мною великій князь прислалъ, то я тебѣ и привезъ“. — Жалоба царю на грабежи не вели ни къ чему, и царь отвѣчалъ, что обо всемъ этомъ онъ напишетъ къ великому князю.

На этомъ мѣстѣ кончается первая записка Мамонова; онъ къ ней впрочемъ сдѣлалъ еще слѣдующую прибав ку..... „Слышалъ, что Ямгурчеевъ сынъ Аликъ поялъ за себя силою Менгли-Гирееву царицу, а её дѣти у Турскаго, и Турской жаловался царю, а царь послалъ своего сына Алпа приказавъ убить Алика и Аликъ побѣжалъ, говорятъ, побѣжалъ за Перекопь, а съ нимъ 70 человѣкъ, но погнался за нимъ царевичъ Богатырь, а того не вѣдаю куда Аликъ побѣгъ“..... Царь обѣщался и дѣйствительно написалъ великому князю объ грабежахъ, конечно, оправдывая ихъ; но онъ къ этоту прибавлялъ: „гораздо ли дѣлаешь: Абдыллетифа муча въ закладѣ держишь, а Ахматовыхъ и Махмутовыхъ дѣтей принимаешь, одному изъ нихъ далъ Мещерскій юртъ и въ чести держишь. А къ намъ нагайскіе послы пришли, и въ ноги пали и холопами назвались, говорили: мы, люди и улусы наши всѣ твои, распоряжайся ими и двигай“. — Эти грамоты были получены въ апрѣлѣ 1516 года, и въ іюнѣ Василій Ивавовичъ отвѣчалъ на нихъ, приказывая Мамонову добиваться шертной грамоты отъ царя; а къ царю великій князь писалъ поздравленья съ подчиненіемъ ему Нагаевъ,

а объ Абдыллетифѣ, что объ немъ уже наказано съ бояриномъ „да ты бы не сердился на насъ, что мы тебѣ не учинили помочи на Астрахань, я теперь сцѣпился съ литовскимъ, и ты бы по своей правдѣ намъ помогъ". Что слѣдовало изъ такихъ писемъ и отъ того что изъ Москвы не посылали больше поминковъ чѣмъ король, оказалось въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года. Ахматъ царевичъ прислалъ гонца къ великому князю съ слѣдующимъ: „тебѣ добра хочу, береги свои украйны крѣпко и отъ недруга не плошайся; да пришли къ намъ опасную грамоту; да еще извѣщаю: Ширинскаго юрта мурзы и другіе со мною за одинъ роту дали и послали тебѣ объявить свое холопство". — Дня черезъ четыре послѣ этой присылки пришли въ Москву вѣсти, что Богатырь царевичъ приходилъ на великаго князю украйну Рязанскую и Мещерскую, да, побывъ на украйнѣ, пошелъ прочь. — Схваченные въ плѣнъ Татары объявили, что царевичъ приходилъ на украйну безъ отцовскаго вѣдома, а отецъ его послалъ на Нагаи (объ которыхъ прежде писалъ, что будто они ему подчинились). Василій Ивановичъ однако послалъ къ царю казаковъ съ грамотами, спрашивая: съ его ли вѣдома приходилъ сынъ на украйны или нѣтъ. Но, одновременно съ набѣгомъ Богатыря, Ахматовъ сынъ и Алпъ царевичъ, захотѣвшій заслужить милость великаго князя, бросились на Литовскіе украйны и произвели опустошеніе.

Для объясненія причинъ этого набѣга, намъ послужитъ матеріяломъ опять записка о крымскихъ дѣлахъ Ивана Григорьевича Мамонова, который, отославъ вышеприведенную первую записку въ Москву, продолжалъ записывать все случившееся при немъ. Мамоновъ разсказываетъ: какъ отправилъ, государь, къ тебѣ своихъ людей царь т.-е. тѣхъ, которые пріѣзжали въ апрѣлѣ), то приказалъ мнѣ ѣхать въ Кырковъ, обѣщая, что оттуда отпуститъ меня къ тебѣ и шертную грамоту дастъ. — Мамоновъ отправился въ Кырковъ, гдѣ былъ обруганъ отъ любимца царицы Нурунъ-Салтанъ за то, что мало давалъ поминковъ. Потомъ когда Мамоновъ отправился къ царю и началъ говорить ему, чтобы отпустилъ его и далъ бы шертную гра-

моту; на это царь отвѣчалъ, что отпустить его и дастъ грамоту. Мамоновъ при этомъ замѣтилъ: „царь, всѣ твои люди вышли за Перекопь, такъ ты бы послалъ къ государю своего гонца, чтобы онъ берегся, а то крымскіе люди пожалуй нападутъ на украйну“; царь: „зачѣмъ мнѣ посылать къ великому князю, я тебя отпущу, а мои люди ничего не сдѣлаютъ“. Послѣ этого Мамоновъ поѣхалъ къ Богатырю царевичу, и сталъ его просить, чтобъ онъ похлопоталъ о шертной грамотѣ, но Богатырь на это отвѣчалъ: „хочетъ отецъ дать шертную грамоту или нѣтъ — это мнѣ все равно; кто меня больше, король или великій князь, почтитъ, того дѣла я и стану дѣлать“. Это все было въ маѣ 1516 года; Крымцы выбирались съ своего полуострова на сѣверъ въ степи; потому что въ крымскихъ степяхъ всѣ травы отъ бездожья и жаровъ погорѣли. — Такое кочеванье наводило страхъ на Мамонова, онъ обратился за совѣтомъ къ Ахмату царевичу; послѣдній отвѣчалъ: „видишь самъ какой мой братъ царь, у него и братъ царь и сынъ царь, а меня онъ держитъ отъ себя вдалекѣ“. Къ большему горю Мамонова пріѣхалъ въ Крымъ литовскій посолъ, привезъ поминки и говорилъ царю, чтобъ онъ шелъ нынѣшнее лѣто на Московскіе украйны, а королю далъ бы сына. — Мамоновъ опять обратился къ Ахмату, который объяснилъ дѣло такъ: „всѣ наши отъ бездожья вышли за Перекопь и думаютъ идти на Нагаевъ, что по сю сторону Волги, поэтому надо беречься, чтобы не пошли вмѣсто Нагаевъ на ваши украйны; а если въ самомъ дѣлѣ Нагаи на сей сторонѣ Волги, то дѣло великаго князя подѣлается; впрочемъ наврядъ ли могутъ идти на ваши украйны, потому что и Астраханцы съ царемъ не мирны“. Приготовленія къ какому-то набѣгу шли, предводителемъ назначался Богатырь царевичъ и Мамоновъ явился къ нему; Богатырь говорилъ: „меня отецъ послалъ въ полѣ улусы стеречи; а онъ дастъ великому князю шертную грамоту и тебя отпуститъ“; Мамоновъ — „такъ ты попомни свое слово“; но царевичъ на это ничего не отвѣчалъ и только смотритъ впередъ себя — замѣчаетъ Мамоновъ; это былъ признакъ дурной; Мамо-

новъ хотѣлъ чего нибудь добиться у царя, но царь его къ себѣ не принималъ, а когда и велѣлъ пустить то сидѣлъ потупясь, ничего не говорилъ, но наконецъ сказалъ: „я за тобою пришлю вечеромъ и мы съ тобою потолкуемъ вмѣстѣ"; но вечеромъ не было присылки. Наконецъ Мамоновъ обратился къ главной царицѣ, сына которой просилъ литовской посолъ дать королю, та на это сказала: „великаго князя и королевы поминки царь пропиваетъ съ любимыми женами, а я, пока жива, сына моего въ литву не отдамъ". Мамоновъ всюду хлопоталъ, чтобы переселить литовское вліяніе; Ахматъ подалъ ему совѣтъ: „великій князь припугнулъ бы царя тѣмъ, чтобы потребовалъ выпуска своего посла по опасной грамотѣ, да при этомъ сказалъ бы что поищетъ себѣ друговъ у Нагаевъ и въ Астрахани". Мамоновъ въ своей запискѣ говоритъ, что „Ахматъ именно сказалъ, что у Нагаевъ и въ Астрахани". Да Ахматъ также при этомъ говорилъ: „если царь вздумаетъ великаго князя землю воевать, а пойдетъ безъ меня, то я цареву другу, королю, болѣе того недружбу учиню, — а тебя царь не захочетъ отпускать къ твоему государю, такъ я тебя поемлю и до украйны доведу; я царя не боюсь, онъ мнѣ ничего не можетъ сдѣлать, я великому князю давно служу, еще отецъ, — великій князь не запомнитъ того,—посылалъ меня на литовскую землю, и та посылка была мнѣ за честь; — я тогда и не вѣдалъ, что этимъ служу великому князю Ивану". — Далѣе разсказываетъ Мамоновъ, что Ахматъ ему говорилъ: „король прислалъ къ царю поминки на два года: 500 поставовъ сукна, до 30,000 золотыхъ и царь всѣ золотые затаилъ, а теперь поѣхалъ уговаривать царицу, чтобы она дала сына въ Литву; потому что у царя положено: или сына дать въ Литву или рать послать на Московскія украйны и все это дѣло теперь зависитъ отъ царицы". Да послѣ мнѣ Ахматъ приказывалъ сказать: „приказывалъ я къ великому князю, чтобы далъ онъ мнѣ на украйнѣ мѣсто, около Новгорода Сѣверскаго и я бы оттуда постоянно воевалъ литовскую землю". Потомъ Ахматъ пришелъ ко мнѣ съ сыномъ и говоритъ: „взялъ бы государь моего сына къ себѣ"; да тутъ же по-

воротился къ сыну и говоритъ: „чей ты сынъ"? Мальчишка отвѣчалъ: „язъ великаго князя сынъ". Записка Мамонова кончается слѣдующимъ: „да напряжается Ахматъ своего сына женить. А покуда, государь, не былъ у царя литовской посолъ и царь меня принималъ по обыкновенію, а какъ пріѣхалъ литовскій посолъ, то я насилу въ три недѣли допросился къ царю и когда я пришелъ, то онъ на меня и не взглянулъ и ничего не говорилъ. А что ты государь наказывалъ, чтобы вѣсти дать о тамошнихъ дѣлахъ, то ничего не узнаешь, — всѣ люди за Перекопомъ."

Мамоновъ не кончилъ своей записки, онъ 19-го іюня умеръ въ Крыму. — Ахматъ царевичъ въ это время прислалъ вышеприведенную вѣсть, чтобы береглись на украйнахъ; послѣ этого произошелъ набѣгъ Богатыря царевича. Ахмата наградили изъ Москвы тѣмъ, что послали ему все по его запросамъ. Послѣ смерти Мамонова подъячій Митя Ивановъ взялъ его записку у казака, съ которымъ она была послана въ Москву, и продолжалъ записывать далѣе все случившееся въ Крыму при немъ. Вотъ краткое содержаніе этого обширнаго дополненія: „за десять день до Петрова дни Мамоновъ умеръ на полѣ, и царевичъ Ахматъ прислалъ къ намъ, чтобы мы были у него, и онъ намъ говорилъ, что царь поручилъ ему описать имѣніе Мамонова и взять пошлину. Пришли дьяки и запечатали имѣніе, а Ахматъ царевичъ взялъ съ Иванова двора аргамака, что купленъ въ Кафѣ на государево имя, а заплачено за него 130 рублевъ; до того же дни посылалъ онъ во Иваново стадо смотрѣть коней и взялъ коня да мерина. Потомъ въ концѣ недѣли велѣлъ царь все имѣніе Иваново описать и снести въ цареву казну, а коней загнать въ царево стадо; послѣ царь говорилъ, что это сдѣлано для того, чтобы его дѣти силою у нихъ все это не поотнимали, а отъ Ахмата обѣщался отнять аргамака „да мнѣ съ вами больше нечего говорить" сказалъ царь, „всѣ мои дѣти въ полѣ, а Иванову кость и васъ отпущу". Послѣ намъ Апакъ говорилъ, „что теперь царю объ вашемъ дѣлѣ думать, его рать съ Богатыремъ пошла на ваши домы; я и прежде еще говорилъ Тучкову, чтобы присылалъ великій князь столько

поминковъ царю, сколько и король и теперь станется великому князю ни отъ кого, какъ отъ него же самого; а вамъ долго придется ждать объ себѣ рѣшенія.„ Мы пошли къ Агишу царевичу и онъ намъ говорилъ: „вечеръ я царю говорилъ объ вашемъ дѣлѣ и онъ мнѣ сказалъ, я сего дня пьянъ и ты попамятуй до завтра"; а на другой день Агишь намъ говорилъ: „не до вашего намъ дѣла,—на насъ самихъ идетъ рать". Потомъ я спрашивалъ (Митя, въ серединѣ іюля) Апака и говорилъ ему, чтобы онъ узналъ у царя доколе же Ивану лежать безъ вѣсти и чего намъ ждать. А царь намъ говорилъ, что шлетъ гонца къ великому князю, что Богатыря отпустилъ подъ Нагаи и когда Богатырь пойдетъ назадъ, то пожалуй люди отстанутъ отъ него и поэтому великій князь приказалъ бы поберечь украйны, а васъ я съ Ивановыми костями отпущу когда будетъ вѣсть отъ Богатыря; да я послалъ на Литву воевать 60 (?) тысячъ человѣкъ (Алпъ царевичъ и Ахматовъ сынъ пошли безъ спроса царя); а васъ отпущу черезъ десять денъ. Гаврикъ отъ насъ пошелъ къ Апаку и говорилъ, что царю нужно ѣхать въ Кафу, а въ Кафу да назадъ какъ можно поспѣть въ десять денъ, и можно ли вѣру имѣть царевымъ словамъ. Апакъ разсердился на Гаврика: „тебя страдника и Иванъ слушалъ и чего царь спроситъ у Ивана и ты не велишь ему давать, а отъ этого выходило то, что сколько бы Ивану здѣсь ни жить, а безъ дѣла уѣхать". Я (т.-е. Митя Ивановъ) былъ въ четвергъ оспожина говѣнья у Апака съ великаго князя казаками и онъ мнѣ говорилъ: „я у великаго князя шубу просилъ, а онъ мнѣ и ее не прислалъ, а прислалъ одинъ соболь и кто хуже меня и тому великій князь прислалъ то же, такъ какъ же мнѣ дѣлать великаго князя дѣло; я такъ же просилъ добраго панцыря, а мнѣ великій князь прислалъ соломенный и когда тебя Митя царь будетъ отпускать, такъ я тебѣ его отдамъ, можетъ быть на полѣ нападутъ на васъ люди, такъ ты узнаешь крѣпокъ ли онъ будетъ." Да того же дни Апакъ говорилъ: „я заподлинно знаю, что Богатырь пошелъ на вашу украйну, а у него столько людей, сколько и у Алпа царевича и у Ахматова сына; а они пошли на Литовскую землю".

Когда воротился Богатырь царевичъ съ нашихъ украйнъ, а Алпъ и Ахматовъ сынъ съ литовскихъ, то въ Крыму начали разсуждать уже иначе, потому что вслѣдствіе этихъ набѣговъ Крымцы ссорились и съ Москвою и Литвою. „Апакъ намъ говорилъ, — разсказываетъ далѣе записка, — царь придумалъ одного изъ васъ отпустить къ великому князю вмѣстѣ съ своимъ посломъ Абдылъ-Авелишикомъ и если вы хотите идти съ пошлымъ дѣломъ, то подождите дней 15, а царь въ это время напишетъ шертную грамоту". — А я (Митя) Апаку говорилъ: „ужь если намъ дожидаться, то дождаться грамоты по списку, который взялъ царь у Ивана Мамонова и къ тому списку ни прибавитъ, ни убавитъ ни одного слова". — На третій день послѣ этого говорилъ намъ царь: „я бранилъ Богатыря, зачѣмъ онъ ходилъ на великаго князя украйну и онъ говорилъ, что какъ, идя на Нагаи, пришли къ Волгѣ, то увидѣли, что Мещерскіе казаки ѣздятъ берегомъ и въ судахъ, и намъ нельзя за Волгу идти, то я подумалъ, что великій князь приказалъ имъ это беречь и я за это пошелъ на Рязань". Послѣ этого спустя нѣсколько дней, царь намъ говорилъ: „приказывалъ я великому князю объ Абдыллетифѣ, чтобы онъ его отпустилъ или въ Казань или ко мнѣ, и не отпуститъ его великій князь, то мнѣ на него за это гнѣваться". Да потомъ прибавилъ царь: „Богатырь приходилъ на ваши украйны, на Рязань, такъ великій князь не потакалъ бы лихимъ людямъ и ему изъ-за этого со мною не раздружиться бы. Я Василья *) здѣсь оставлю и при немъ напишу шертную грамоту, а рать свою пошлю на Литовскую землю, отъ короля совсѣмъ отстану и самъ же зимовать пойду тоже подъ Литовскую украйну; на весну пойду подъ Астрахань, великій же князь послалъ бы туда рать съ пушками и пищалями,—вѣдь великаго князя людямъ сидѣть въ Астрахани; рыба и соль,—все его будетъ, а моя только слава. А что мои люди воевали Мещеру, то я за это и впередъ не ручаюсь, хоть бы въ дружбѣ и брат-

*) Шадрина, который былъ посланъ гонцомъ къ Мамонову и царю лѣтомъ 1516-го года.

ствѣ былъ съ великимъ княземъ, потому что унять нашихъ людей нѣтъ мочи, и теперь Ширины хотятъ воевать Мещеру, потому что на Мещерѣ нашъ недругъ; а Мещера истари нашъ юртъ и какъ бы великій князь взялъ на Мещеру брата моего или сына, то и никогда бы не воевали. А я ради брата своего великаго князя посылалъ рать на Литовскую землю съ Алпомъ и съ нимъ было 60.000 человѣкъ, а съ Богатыремъ было только 30.000.“ Послѣ этихъ словъ Гаврикъ сказалъ царю, что если онъ хочетъ дать шертную грамоту, то далъ бы по списку, что̀ взялъ у Мамонова; на это намъ царь сказалъ: „дамъ слово въ слово“.

Магметъ-Гирей дѣйствительно исполнилъ, что̀ говорилъ; онъ отпустилъ Митю Иванова Александрова съ своимъ посломъ Авелишихомъ; они пріѣхали въ Москву въ октябрѣ мѣсяцѣ, и привезли множество грамотъ. Царь по прежнему повторялъ всѣ свои требованія, хотя далеко не съ такою большою гордостію, какъ прежде,—говорилъ, что сильно разсердился на сына Богатыря за набѣгъ *). Самъ же Богатырь царевичъ прямо писалъ, что великій князь прислалъ къ нему мало поминковъ и ему нечѣмъ было награждать своихъ людей. — Но такъ какъ царь не прислалъ шертной грамоты, то Василій Ивановичъ рѣшилъ послать въ Крымъ своего человѣка не великаго, середняго, Илью Челищева, вмѣстѣ съ человѣкомъ Магметъ-Гирея; послу же крымскому приказано побыть въ Москвѣ.—Какъ въ грамотахъ, такъ и словами, чрезъ посланнаго, Василій Ивановичъ просилъ царя дать шертную грамоту, **) при чемъ наказано было какъ Челищеву, такъ и всѣмъ, оставшимся отъ свиты Мамонова въ Крыму и послѣ прибывшимъ, стараться поддерживать рознь и ссору между Крымцами.

Въ концѣ мая 1517 года Илья Челищевъ и Василій Шадринъ прислали грамоты въ Москву, объясняя положеніе дѣлъ въ Крыму: грамоты присланныя съ Челищевымъ царю „полюбились“, и Апакъ говорилъ, что царь дастъ шертную грамоту, если великій князь дастъ помощь на Астрахань

*) Эта грамота напечатана у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 338—341

**) Дѣла Крым. № 4, л. 1—418.

и казны больше короля; а теперь посылаетъ къ великому князю человѣка и онъ бы съ нимъ прислалъ своего ближняго человѣка съ легкими поминками и обѣщалъ бы тяжелыя; а не пришлетъ великій князь такой казны, то нашему государю легко надѣть саблю, да и Богатырь царевичъ ему билъ челомъ: „батько, какую ты правду видѣлъ отъ своего брата великаго князя, — у себя теряешь и у насъ, а Литовскаго отъ насъ отгонишь; если великій князь дастъ казны сколько потребуешь, то мы готовы на его недруга Литовскаго". Мамоновъ прежде мало давалъ поминковъ, а теперь Челищевъ ихъ почти совсѣмъ не привезъ. Но и отъ Сигизмунда не являлись еще поминки, такъ что Крымцы не знали что̀ дѣлать. Шадринъ и Челищевъ писали въ Москву: „ты бы государь велѣлъ свои украйны беречи крѣпко, доколѣ твое государское дѣло подѣлается, потому что у нихъ (т.-е. Крымцевъ) безъ того не будетъ, чтобы имъ на украйнѣ не побывать; царю и царевичамъ немочно ихъ унять занеже наги, босы и голодны; если урвутся ранѣе на твои украйны, то имъ быть съ немногими людьми. Сами царевичи и большіе люди ждутъ того времени какъ у нихъ кони наѣдятся и имъ быть на той украйнѣ, которая имъ пріѣзжѣе". Челищевъ и Шадринъ прямо пророчили набѣгъ и въ Москвѣ готовились къ нему, но все-таки не послали казны Крымцамъ; между тѣмъ какъ Сигизмундъ, не обращая вниманія на прошлогодніе набѣги, опять рѣшился купить Крымцевъ. Въ концѣ іюня пріѣхалъ писарь королевскій Горностай, и вотъ какъ описываютъ его дѣятельность въ Крыму Челищевъ съ Шадринымъ: „онъ просилъ у царя сына Казы-Гирея, у царевыхъ сыновей и братаничей тогоже просилъ; а казну, говорилъ онъ царю отъ короля, возьми для себя, брата, и твоихъ дѣтей; твои братья прошлое лѣто меня воевали и если они теперь дадутъ дѣтей мнѣ, то поберегутъ моихъ украйнъ. Царевичъ Богатырь, Абдырахманъ и князья говорили царю, чтобы онъ сдѣлалъ такъ, и царь просилъ у Ахмата царевича сына, но Ахматъ отказалъ, и дружбы съ королемъ не захотѣлъ; Богатырь же царевичъ привезъ свою мать въ Перекопь, но она, тебѣ государь дружа, дѣтей своихъ не дала и уѣхала въ Кырковъ, а дѣ-

тей съ собой взяла“. Послѣ Апакъ разсказывалъ Шадрину это дѣло о дѣтяхъ слѣдующимъ образомъ: „когда Горностаевичъ былъ у царя, то Ахматъ царевичъ былъ позванъ къ царю и только царь сказалъ Ахмату, чтобы онъ далъ сына королю, то Ахматъ плюнулъ и ушелъ, да съ тѣхъ поръ и не ходитъ къ царю; а Богатырь царевичъ грозился царевичамъ, что онъ иныхъ пересѣчетъ, а иныхъ переколетъ, но царевичи все-таки отговаривали царицѣ, чтобы она не давала сына въ Литву, а какъ взяли у нее сына и привели къ царю, то царь сказалъ Богатырю: „отдай его въ Литву, это твое дѣло“; тутъ Богатырь царевичъ сталъ веселъ, а между тѣмъ маленькой царевичъ ходилъ въ толпѣ князей и Чебезекъ (Московской доброжелатель) потихоньку молвилъ ему: „потеки къ матери вонъ, дадутъ тебя Литвину и тебѣ умереть, какъ умеръ братъ“; малый заплакалъ и побѣжалъ къ матери, и какъ прибѣжалъ, то мать уѣхала; тутъ же царю сказали, что она уѣхала и Богатырь царевичъ осердился и началъ говорить: „какой ты царь коли тебя жонка не слушаетъ“ и царь молвилъ ему: „поди, догони, я её буду держать за волосы, а ты ей голову отрѣжь“; но князья отговорили“.

Послѣ этой сцены Богатырь царевичъ съ Абдырахманомъ поѣхали въ Кіевъ за казною, но на дорогѣ встрѣтили Алпа царевича съ его улусомъ, который по согласію съ Ахматомъ пошелъ на королевскіе украйны. Богатырь царевичъ началъ уговаривать Татаръ, чтобы они ему не мѣшали и что все, что онъ возметъ отъ короля, съ ними же раздѣлитъ. Алпъ послушался и воротился. Богатырь съѣздилъ въ Кіевъ и оставилъ тамъ Абдырахмана, который дѣйствительно привезъ изъ Кіева 12 телѣгъ съ сукнами; съ нимъ же пріѣхалъ и посолъ королевской Ратимирскій. Обо всѣхъ этихъ дѣлахъ въ Москвѣ получали извѣстія и отъ Ахмата царевича. Но пока Богатырь ѣздилъ за казной въ Кіевъ, въ это время Ширинскіе князья не ждали его и пошли на Московскіе украйны съ 20.000 человѣкъ; пришли къ Тулѣ, начали грабить. Князья Воротынскій и Одоевскій послали напередъ себя дѣтей боярскихъ, чтобы помѣшать Татарамъ грабить, а

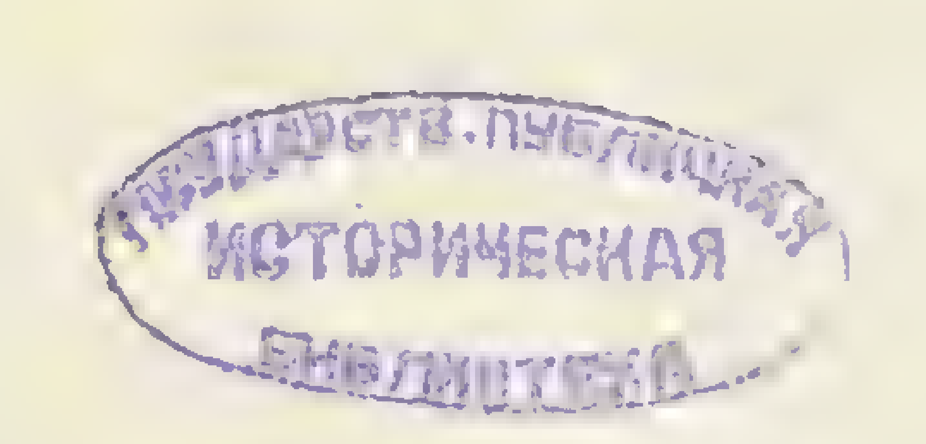
сами пошли въ слѣдъ за ними. Татары, увидавъ, что на украйнѣ ихъ ожидали, хотѣли уйти въ степь, но украинскіе люди зашли по лѣсамъ Татарамъ въ тылъ и засѣкли дороги. Въ это же время подоспѣли и передніе люди воеводъ и начали топтать Татаръ, бить ихъ по дорогамъ и по бродамъ. Большая часть изъ пришедшихъ Татаръ была перебита, перетоплена, или взята въ плѣнъ, ничтожное количество изъ нихъ успѣло выбраться въ степь и дошли въ Крымъ „пѣши, босы и наги". Всѣхъ ихъ воротилось изъ 20.000 только 5.000. Теперь царь, послѣ неудачнаго набѣга подъ Тулу, придумалъ послать царевичей подъ начальствомъ Алпа на Литовскіе украйны, гдѣ ихъ совсѣмъ не ожидали. Алпъ явился подъ Слуцкъ и его окрестности и ему удалось захватить огромный плѣнъ *).

Послѣднѣе дѣло было слѣдствіемъ того, что московская партія взяла верхъ въ Крыму, а царь захотѣлъ получить поминки отъ московскаго государя, съ котораго, какъ ясно оказалось, труднѣе ихъ было взять, чѣмъ съ литовскаго. Въ это время въ Москвѣ начались переговоры съ королемъ о мирѣ, послѣ того какъ московскіе воеводы одержали побѣду надъ княземъ Острожскимъ подъ Опочкой. Изъ Москвы о побѣдѣ послали въ Крымъ извѣстіе, причемъ посланнымъ было наказано говорить о побѣдѣ всѣмъ и кончать рѣчь передъ московскими сторонниками словами „и то бы тебѣ было вѣдомо", а передъ Литовскими „чтобы тому они радовались"........ Царь рѣшился дать шертную грамоту.

Геннадій Карповъ.

---

*) П. С. Р. Л. томъ 6, стр. 259. Дѣла Крым. № 5, л. 420 — 548

Изъ Московскихъ Университетскихъ Извѣстій, 1865 г. № 4-й.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°.), на Страстномъ бульварѣ.

